

Девушка вошла в номер отеля. Скинув пальто, привычным движением бросила его в угол, где за работу принялся грав-луч, схвативший гардероб дамы и переместивший его в надлежащее место.

С каждым шагом брюнетка погружалась в атмосферу номера «люкс». Проходя мимо бара «опрокинула» бокал «пустынного» сидра, взмахом руки приглушила свет и включила музыку. Возле окна пробежала рукой по густой шевелюре своего двухметрового друга Вэйлоса, что до невозможности сосредоточенно читал какую-то книгу. Повести плечом — музыка стихает, и девушка направляется в комнату-транслятор, где невысокий рыжеволосый мужчина не может найти себе места. Человек снуёт из стороны в сторону, дожидаясь ответа от включенного ретранслятора.

— Кристо, что ты никак не успокоишься? — устало выдавливает из себя брюнетка.

— Не лезь, женщина, я наконец-то смог связаться с председателем, — в противовес собеседнице, мужчина пылает энтузиазмом.

— Правда? — и в вопросе проскакивает лёгкое удивление.

— Д не с тем, — отмахивается невысокий человек, — с бывшим председателем.

— Ааааа, — потеряв всякий интерес, протянула девушка.

— Ну и чего ты пришла вообще? Эми, пожалуйста, только не мешай. Я уже несколько недель пытаюсь связаться с учителем, и сегодня у меня получилось. Я прям плаю...

— Да я заметила, — Эмили падает в кресло и закрывает глаза.

Ретранслятор начинает трещать, пытаясь стабилизировать канал, пока из динамиков не доносится более или менее внятный голос. Визуальному каналу повезло меньше, и вместо фигуры человека перед судьями предстала подёргивающаяся чёрная тень сидящего, источающего физическую мощь человека.

— Есть кто? Чакки, это ты? — скрипучий насмешливый голос старого человека бесцеремонно врывается в комнату.

— Это Кристо, учитель! — и мужчина за секунду превращается в ребёнка, забывая, что он один из официальных представителей ассоциации, взрослый человек, которому не пристало так себя вести.

— Кристо, Кристо... Аааааа! Малыш Кри! Я-то думал, это твой отец таки согласился работать над моими мемуарами. Знал бы, что это ты — не отвлекался бы на такую мелочь. Ты там хоть подросток немного? Я же тебя и в ученики-то взял, насколько помню, только из-за твоего папани.

— Ваши шутки не изменились, учитель: всё такие же злые, могли бы придумать что-нибудь новое, за столько-то лет...

— Мог бы, будь это шутки. Надеюсь, ты меня не просто так отвлекаешь, я тут только вышел из периферической комы.

— Не отвлекаю, учитель, я уже выслал вам одну очень интересную съёмку! Вы должны это увидеть! Я сейчас представляю «нобилити» на турнире «Ню Нова», тут такое твориться! Есть один паренёк, думаю: вы бы хотели увидеть его в рядах СБИ.

— А ты, я смотрю, ничуть не изменился, ну же, рассказывай...

С момента окончания отбора прошёл почти месяц, фестиваль, проведённый в честь данного события, каждый воспринял с наиблагоприятнейшим расположением духа. Поэтому, разразившиеся на станции пьянство и дебош были сравнимы с революцией «вакха».

Ума Алактум, пролежавший все эти дни в реге-капсуле, проклинал идиота-врача, который, отправившись на фестиваль, забыл активировать шумоизоляцию в палате. Также, он проклинал высокородного урийца, который не удосужился навестить больного. Особенно в столь безумно скучный и шумный час. Поэтому, первым делом после недельного лечения юноша направился в номер Иола, с явным намерением сломать тому нос, попутно придумывая резонную причину своему желанию. Что ж, времени на раздумья у него оказалось предостаточно: система безопасности отеля заключила монаха в гравитационную ловушку прямо в гостевой комнате его жертвы. Больше часа проболтавшись в невесомости, Ума даже обрадовался своему потенциальному противнику, а ныне спасителю.

Иола, при виде парящего идиота, не выказал удивления и, отключая защиту номера, вообще не удосужился выказать никакой эмоции. Глядя в окно и не обращая внимания на развалившегося на полу гостя, наследник семейства Григ сказал:

— На третий день фестиваля ко мне также ворвался один мягкотелый рахдиец. На его несчастье: меня не было в номере, и он всю ночь продрых, кувыркаясь в воздухе. Правда, он был настолько пьян, что ему это даже понравилось. Сейчас Дурий наверняка опять что-то празднует на нижних уровнях станции, поэтому ответить мне можешь только ты. Откуда вы узнали, где я снимаю комнату, и почему решили, что можете ко мне врваться?

— Ооооох, ненавижу невесомость...

И после этих слов, оба участника окончательно осознали, что их сотрудничество ещё не закончено, и они могут быть друг другу полезны. Иола, в очередной раз, сделавший выигрышную ставку на монаха, намеревался если не заполучить юношу себе в команду, то хотя бы стравить сорвиголову с самым опасным участником турнира — Фином Лехцем. Ума, в свою очередь, планировал вытянуть из аристократа всю возможную информацию, или, по крайней мере, заставить это надменное создание страдать...

«Доброе утро, уважаемые аудио-слушатели потока «Ребел»! В эфире ваш покорный слуга Энтони, и этим утром, как и любым другим, я постараюсь снабдить ваш пик бодрствования хорошим настроением!

На повестке дня новости о прошедшем карнавале-фестивале в честь окончания отбора на турнир «Ню Нова»! Полагаю: каждому есть, что рассказать после столь бурных празднеств, ахах! Тем не менее, сосредоточимся на самых ярких моментах и постараемся усвоить урок, чтобы в следующий раз не стать причиной этих самых ярких моментов, граничащих с нарушением законов...»

«Простите за задержку, но мне только что сообщили, что фестиваль закончился больше двух недель назад. Как быстро летит время, видимо, мне следовало воздержаться от нейросаматических... не важно...

Что я хочу сказать, так это о необходимости...»

«...Простите, кажется, я заснул в прямом эфире. Все редакторы покинули свои посты, и никто не удосужился проследить за тем, чтобы Энтони не заснул во время работы. Конечно, кому я нужен...»

«...Продолжим! Хотелось бы обратиться к индивиду, по описанию свидетелей рахдийцу, что переподключил энергию новостного терминала к списанным светодиодам, и устроившим ночь ярких огней. Пожалуйста, больше так не делайте, а ещё лучше — почините перегруженные энергопотоки. Также мне хотелось бы обратиться к человеку, что перепрограммировал ремонтных дронов и вынудил их танцевать в переходах станции. Они для этого не предназначены! Хотя было весело... Также просим туристов больше не пользоваться услугами некоего врача, по словам очевидцев цикианца, продающего веселящий газ в переходах станции...

И администрация напоминает о запрете на игру «смертельная рулетка». Хотя этот запрет был актуален две недели назад, так что помянем жертв собственного идиотизма...»

«Внимание! Свежие новости! Действительно свежие! Я только что получил сведения, что на улице разлома произошла стычка между несколькими участниками турнира, прошедшими отбор. Также мы получаем сведения, что в конфликте была замечена охрана станции и может даже судьи! И да, угадайте: кто стал зачинщиком конфликта!»

Ума Алактум. Человек, которого лучше не знать.

Иола Лемис Григ вырабатывал стратегию возможной победы. Рассчитывая всевозможные вариации турнирной лестницы, он раз за разом убеждался в малой вероятности своего успеха. Раз за разом логика крушила надежды, требуя невозможной жертвы. И жертва нашла себя в лице молодого выходца с планеты Парк, которого уриец намеревался протащить по турнирной лестнице до самого верха.

Аристократ постепенно добывал информацию об оставшихся противниках и вдалбливал её в монаха, подготавливая того к потенциальному столкновению с каждым из участников. Хотя толку от этого казалось никакого.

— Общее количество участников, прошедших отбор и выдвинутое для участия в турнире, составляет семнадцать человек. В основном — это те, кто удосужился рискнуть и поставить на твою победу в последнем отборе.

— Отборе? Каком отборе?

— Да поможет мне наука... — Иола закатывает глаза, — так как число участников нечётное, то два участника, предположительно с наименьшим количеством полученных баллов, будут проходить дополнительный турнирный отбор.

— Ясно, — Ума многозначительно кивает, и становится ясно, что он даже не слушал о чём речь.

— Да чтоб тебя! Где моя шпага? Я же просил ничего не трогать! Это фамильная реликвия!

— Я нашёл её в ящике для мусора, думал: она тебе уже не нужна.

— Какой ещё ящик для мусора? Это же переносной сейф! — обычно спокойный голос урийца окрашивается хрипотцой. — Как ты вообще его открыл?

— Выбросил из окна — он и открылся, — Ума сама невинность.

— А потом притащил сейф обратно в номер? — взгляд Иолы говорит о желании не рождаться.

— Да, только вместе со шпагой было тащить неудобно, и я оставил её у портье.

— Эххх, ладно. Ладно, ладно, ладно. Ладно, ладно, ладно, ладно. Давай пробежимся по основным участникам.

— Ну давай! — Ума становится на руки и ловит озадаченный взгляд собеседника, — совмещаю неприятное с полезным.

Уроженцу Сивилии не остаётся ничего другого, как пожать плечами.

— Я систематизировал данные насколько смог, посмотрим, что из этого можно использовать.

Иола проводит рукой по воздуху, и в центре комнаты появляется изображение незийца с длинной косой, облачённого в чёрную рубу. Голограмма сопровождается приятным женским голосом:

«Ума Алактум, редкостный идиот и засранец, само воплощение деградации...»

Юноша отталкивается от пола и в полёте бьёт урийца. Иола танцевальным движением отходит в сторону, и монах пролетает мимо.

— Ладно, ладно Вам, сир, — успокаивает неудачно упавшего товарища эстет, — про нас с Вами собранную мной информацию мы пропустим, хотя безмерно хотелось показать, какое именно досье про тебя я выложил в поток.

Взмах руки, и Уму сменяет изображение Фина Лехца. Женский голос начинает своё повествование о сиротах, которые лишились своих родителей при странных обстоятельствах. О гуманитарной экспедиции на архипелаг, заброшенную колонию Второго Исхода. О том, что экспедиция завершилась катастрофой и о том, что многие считают те события спланированной зачисткой. О том, как голодающие дети примкнули к экстремистам, как чудом пережили облаву Дозора и стали наёмниками. Был назван предположительный год проведения мутагенной операции на уже прославившемся дуэте Лехц. Было упомянуто событие, известное как «Хуцианская кара», где братья вырезали целое поселение путешествующего туристического городка, также была упомянута возможная связь убитых поселенцев с экспедицией многолетней давности, в которой погибли родители смертоносного дуэта. И завершает описание предположительная цель участия в Синтраж:

«...опираясь на вышеизложенные данные, можно предположить о желании объекта наказать вышестоящую правительственную верхушку, ответственную за смерть его родителей».

— Скука, — от души зевает Ума, — надеюсь, дальше будет интересней.

Но, к сожалению для него, остальные участники были ненамного интересней. То какой-то чемпион из всеми забытой колонии, или охотник за головами, чьё досье ограничивалось только списком пойманных преступников. Бывший офицер Дозора вообще своей жизненной историей чуть не заставил слушателя заснуть.

«...прославился же Ури Ичи среди пиратов после того, как захватил и продал в рабство главу наркокартеля пространства границ Зео...» «...Гис Шимута пять лет провёл в заключении, как ошибочно полагают за убийство собственного отца, хотя на самом деле он проходил там курс лечения ввиду психологической травмы из-за чувства вины...» «...Рэдж Купро с детства проявлял способности к психоуправлению, и уже к пятнадцати годам...»

История одного участника сменяется историей следующего. И Иола не понимает: на самом ли деле Уме скучно, или юноша не хочет узнавать потенциальных противников, не хочет понимать их и отбирать возможность добиться своей цели. Ведь заканчивается история одного, и цель его вернуть свою прежнюю жизнь, а у другого оправдать родственника, ещё кто-то мечтает о создании маленькой колониальной утопии, а Шимута, так вообще, радеет за лекарства всем жаждущим.

И не может уриец понять: меняется ли взгляд монаха, когда с жаждущего денег, власти или славы, рассказ переходит на человека с целями более чем благородными. Нет, не понять. Вот история, как какого-то начинающего музыканта родители отправляют в военную академию, и он возвращается, чтобы стать поп-идолом. А этот товарищ, ветеран внешней разведки, хочет изучать космос за пределами Бездны. И как же без мести и денег, когда очередной внебрачный сын главы транс-пространственной корпорации не упоминается в завещании и намеревается заполнить компанию папаши любыми средствами.

Ума сходит с ума от скуки, в особенности уточнив, что женщины в этом году отбор не прошли. И, казалось бы, уже ничто не может привлечь его внимание, когда голограмма сменяется изображением воина в ременчатом кожаном доспехе. Само изображение кричит об уровне опасности этого участника, и ты уже готов услышать, как скрипит доспех под натиском выпирающих мышц, как звенят клинки разнообразных форм и длин, в любой момент готовых пропитаться кровью. Лысая брутальность воплотил. Не человек, а иссиня чёрный леопард, принявший человеческую форму.

— О, это что-то знакомое, — беззвучно шепчет Ума.

Но голос программы остаётся неизменным, даже мало-мальски дополнительной интонации не появилось на протяжении всего доклада.

«Кун Антис, уроженец планеты Культи. Кросс по национальности. С детства был приписан к касте „хантеров“, досрочно прошёл обучение, и уже в шестнадцать лет получил звание кросс-хантер. Три года проводил охоту в заповеднике Культи и курировал туристов, пока однажды не был схвачен синдикатом „Трэйд“. Как выяснилось позже: от работорговцев поступил заказ на несколько человек касты кросс-вариор, но рейдеры не вникали в детали и тихо хватали каждого удачного жителя колонии. Пропажу двенадцати человек заметили слишком поздно, и кроссы уже через сутки были проданы на подпольном аукционе. Куну не повезло попасть во владения Юри Грекхема, прозванного бароном работорговли. Ублюдочный садист выставял людей на смертельные бои, зарабатывая на этом зрелище состояние, способное защитить от любого правосудия в мире. Вместе с Куном был продан пожилой кросс-вариор. В первом бою хантер убил своего соплеменника и стал любимым зверем барона».

— Постой минутку, — Ума прерывает рассказ, — чего это доклад приобрёл литературную форму? Откуда ты вообще можешь знать, что так оно и было?

Иола пожимает плечами:

— В его блоге всё описано, даже пару изображений было скуплено с чёрного рынка. Думаю: он

немало заработал на своей жизненной истории.

— А ну раз так, то конечно, что может быть надёжней социального вирта...

— Не гунди и слушай, — отмахивается аристократ, — я проверял достоверность...

— Как? Почитал комментарии?

— Не только комментарии... И вообще я не должен перед тобой отчитываться.

Чтобы сдержатъ смех, монах кусает себя за руку.

«...Вероятная цель участия в Синтраж — получение достаточного количества ресурсов и власти для борьбы с преступным конгломератом союза работоторговцев...»

— Постой минутку, — Ума снова прерывает вещание, — а как выглядит барон Юри?

— Сейчас...

Что-то грызёт монаха изнутри, не даёт покоя. Какая-то мысль, неосознанное воспоминание, нераскрытое понимание...

Изображение воина сменяется голограммой толстого человека. Очень толстого человека. Чрезвычайно толстого человека. Юри Грекхем. Барон работоторговли.

— Блин, — Ума вскакивает с пола.

— Что случилось? — почти проявив заинтересованность, спрашивает уроженец Сивилии.

— Не синтраж его интересует, он здесь не из-за турнира...

И юноша выпрыгивает в окно и, спустившись по веранде соседского номера, бежит в сторону «улицы разлома». Иола вздыхает, садится в аэрокресло, и заказывает себе чашку чая.

С самого начала отбора на станции появилось новое шоу «Три барона». Барон Радость, Барон Аттракцион, Барон Бродвей. Радость, Аттракцион, Бродвей. И афиша на «улице разлома» — три приятных толстяка, известные кутилы в мире Бездны. Каждый профессионал в своём деле. И всё бы ничего, не окажись они в одном месте, проводя шоу именно под таким названием. И не окажись среди них один весьма и весьма толстый человек.

Когда Ума впервые увидел афишу, то почувствовал, как сквозь пси-блокаду пробивается посыл, желая пиявкой впиться в подсознание. Почувствовал, но не придал значения назойливой рекламе. И только сейчас понял, что это был за посыл и кому он был предназначен.

Человек, пригласивший актёров и устроивший это шоу, ждал. Он знал, кто его сторожит за каждым поворотом станции, и дал понять, что знает. Приглашение в целое шоу для одного единственного человека.

Три барона. Тридцать дней. Тридцать дней обманчивого шёпота подсознательных струн из гнева, осторожности и решимости. Тридцать дней, чтобы сознание цели переварилось в соку из собственных мыслей и приняло решение, необходимое программе. На тридцатый день перед входом в зал стоял кросс, один из участников турнира. Поправляя мечи за спиной, поправляя

мечи на боку, он окончательно успокоился и направился к входу. Десять шагов до цели. И не важно, что это ловушка. Восемь шагов. Он готов ко всему. Шесть шагов до входа. Здесь у Юри нет власти. Четыре. Сегодня он заплатит за всё, что сделал. Два шага. Один...

Чья-то рука хватает Куна за плечо. Пальцы болезненно сжимают мышцу, приводя хантера в чувства. Невозможно, охотник не заметил, как к нему кто-то приблизился, безумие. Ненормально. Что-то было не так. В голове звенит, пальцы впиваются глубже, сильнее, пока мысли не прояснятся.

Антиса держал монах. Один из участников «Ню Нова».

— Я ждал тебя, Кун. Ждал, чтобы остановить. Ты здесь не умрёшь, пока я сам тебя не испытаю.

— Спасибо, — хрипотцой обращается хантер к юноше, — ты привёл меня чувства, и за это я не отрежу тебе руку, а теперь иди.

— Нет, — шёпотом отвечает змей девяти искусств, — ты не должен этого делать: ты оттуда не вернёшься.

— Дурак...

Кун в развороте вырывается из захвата, одновременно выхватывая мечи и ударяя по монаху. Гибкие руки мастера вырисовывают плавные узоры, отводя лезвия и толкая хантера в грудь. Воин падает. Охрана станции, вероятно только и ждущая этого, окружает участников, готовая начать стрельбу.

— Участники «Ню Нова» Ума Алактум и Кун Антис, немедленно прекратите, или вы будете дисквалифицированы! У нас указания применять силу без ограничений! Вот знал же, что нельзя было снимать им браслеты...

Кросс-хантер не обращает внимания на предупреждение охраны, и снова атакует, намереваясь снести монаху голову. Лезвие сталкивается с предплечьем, но не разрубает руку, как ожидалось, а отскакивает от неё. Кун снова наносит рубящий удар, и Ума отбивает его ладонью... снова.

Начальник охраны даёт сигнал к атаке, и в тот же миг в его голову что-то ударяется. Командир куклой падает на пол.

Металлический диск диаметром с полметра возвращается к хозяину. Один из участников турнира решил вмешаться в происходящее. Человек, не пожелавший пройти мимо. Уже третий участник без колебаний нарушает гармонию отдыхающих. Охрана открывает огонь. Нарушитель вскидывает руки — в сторону врага летят два плоских предмета. Диски принимают на себя всю порцию выстрелов, снарядов и излучений: один притягивает снаряды, другой рассеивает волны. Один притягивает, другой рассеивает, один... Участник делает пассы руками, и пси-тарелки атакуют стреляющих, оглушая зарядом каждого, к кому прикоснутся. Показывая высокий уровень психоуправления, участник выкашивает одного охранника за другим, безостановочно направляя диски на новую цель. «Не позволю, не позволю убить столь достойных противников».

А с другой стороны платформы появляется новая группа охраны. И они уже готовы устранить нарушителей в лучших традициях «Ребелентис», но удача отворачивается и от них. Потому как возле эпицентра конфликта оказался не один, а два участника, готовых вмешаться в работу охраны. И виброхлысты небесной карой обрушиваются на служителей порядка, заставляя

одного за другим пасть к ногам «звёздного бича», и радостное возбуждение не позволяет Уру Ичи остановиться. «Не позволю, не позволю забрать мою добычу, Я, и только Я буду тем, кто его убьёт».

А Кун Антис рубит снова и снова, и клинки отскакивают от цели, не причинив никакого вреда. Хантер бьёт и бьёт, пока змей девяти искусств не хватает его руки, заключив их в стальные тиски пальцев.

— С такой слабой волей к победе, ты меня даже поцарапать не сможешь, — шепот мастера обволакивает охотника. — Хочешь там умереть? Так лучше уж умри от моих рук здесь и сейчас.

— Пусти, — хрип хантера перетекает в рык, — это не твоё дело, мальчишка.

— Уже моё. Ты больше не видишь своей цели. Ты сдался, хантер. Сдался давным-давно, когда узнал, кто будет на этом турнире, и решил провести самоубийственную миссию, подставляя под удар себя и все свои достижения. Ты готов умереть сейчас, когда завтра мог бы покорить синтраж и поставить мир на колени. Я забираю твою добычу себе. Такому слабому хантеру как ты нечего делать в этой охоте.

— Синтраж? — и улыбка презрения касается лица воина, — чем лучше твой синтраж, если здесь умирают также, как и ТАМ!

— Здесь умирают ради своей мечты, здесь слабым не место, здесь умирают только те, кто не видит путей кроме насилия, кто не готов выжить ради своей цели!

Участники не сразу понимают, что уже не борются, что просто стоят друг перед другом, что уже не сила решает исход этого спора, а убеждения. И вера в своё видение мира...

— Здесь сжигается мусор и зажигаются звёзды... — почти бесшумно пролетают последние слова монаха, и Кун выпускает свои мечи, чтобы они со звоном упали на пол.

На одной из платформ «улицы разлома» стоят четыре участника и лежат порядка двадцати охранников. Хотя не все из них без сознания, некоторые просто решили притвориться таковыми. Ждали подмогу. И подмога пришла.

Эмили Травл и Дженсо Вэй появляются из ульм-лифта, и вид их не предвещает ничего хорошего. Кун собирается подцепить лежащий меч ногой, но Ума наступает на клинок, не позволяя хантеру надеть глупостей.

— Что здесь происходит? — никогда ещё мужчины не слышали столь устрашающего женского голоса.

— Ахаха, всего лишь недопонимание со стороны охраны станции! — невинно смеётся Ума.

Девушка вытягивает руку, и на её ладони появляется изображение монаха, хватающего хантера за плечо и дальнейшие попытки последнего покровсать первого.

— Это не то, что вы подумали! — продолжает по-дурацки смеяться юноша.

От этих слов предельно угрожающий вид Эмили становится запредельно устрашающим. Но бородатый товарищ поглаживает её по спине.

— Тише, Эми, дадим им всё объяснить, — успокаивающе гудит Вэйлос.

— Короче, дело было так, — тараторит виновник торжества, — вижу я: на плече уважаемого комар сидит, поэтому я его как прихлопну! Товарищ меня, естественно, поблагодарил, но как оказалось: комар-то не умер, зараза! И давай летать туда-сюда. Кун хватает мечи и давай ими по комару бить, я тоже давай махать руками в попытках поймать насекомое.

— Что за бред! — Женщина в гневе, и этим всё сказано. — Это космическая станция! Кто в это вообще может поверить!

— В том то и дело! Репутация станции то под угрозой. Прибегает охрана, начинает стрелять по комарику, и тут уважаемые участники, что были рядом и всё видели, давай кричать что-то про защиту животных и изуверства людей. Начали они лупить, значит, стражей порядка не по порядку, ну и, в общем, как-то так...

Говоря о том, что в тот момент выражало лицо старшего судьи Эмили Травл, можно сказать, что оно не выражало ничего. Пустота.

— И где этот ваш комар? — слова холоднее льда рождают последний вопрос, услышав который, участники всерьёз готовятся бежать.

— Так улетел, зараза! — нарочитая вольность держится из последних сил, — поди, сыщи теперь его!

— ВЫ... — из глубин льда рождается пламя, — НЕДОНОСКИ... — ноги всех присутствующих подкашиваются, — ИЗ-ЗА ВАС... — каждый думает прыгать с платформы, — Я, ИЗ-ЗА ВАС... — даже Дженсо начинает пятиться, — ПРОПУСТИЛА СПА-СЕАНС! ВЫ ХОТЬ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ, КАК ВАЖЕН УХОД ЗА КОЖЕЙ! ИДИОТЫ! ВОН ОТСЮДА! И ЧТОБЫ ДО НАЧАЛА ТУРНИРА Я ВАС НЕ ВИДЕЛА!

— ДА МЭМ! — хором выкрикивают участники, люди с мечтой о покорении мира, преклонившие колено перед женщиной.

Месяц отдыха, данный участникам на подготовку, подходил к концу. До начала турнира оставалось три дня, и, разумеется, ознаменовал турнир очередной праздничный концерт «Ребелентиса». Где туристы в очередной раз смогли утолить свою жажду, чтобы не пришлось отвлекаться от приближающегося зрелища. Участники, в свою очередь, тоже не побрезговали полакомиться празднеством, как в виде выпивки, нейросаматических удовольствий и женщин, так и в виде торжественного скандирования имени возможного победителя турнира, где бы он ни появился.

Ближе к ночи все участники прошедшие отбор собрались в одном месте, в баре «Отчаянный», где всё это и началось. Завтрашние соперники, как говорится, пили «из одного бочонка», желая каждому удачи, утверждая, что не держат обиды, обнимаясь и жизнью клянясь, что подарят друг другу транзитный билет. Правда, никто из них не упоминал, что в течение месяца изучал собутыльников, вырабатывая стратегию победы над ними. Также никто не говорил, что в случае необходимости без колебаний отберёт жизнь у новоявленного «товарища».

Вот уже «чёрная лошадка» Ума Алактум донимает разговорами кросс-хантера Куна Антиса, и никто из присутствующих не может отрицать, что с радостью посмотрел бы на их бой. Кун опрокидывает очередной бокал, и участники поражаются, как он ещё не свалился под стойку.

Вот хитрец Уру Ичи, таки в последнем отборе сделавший ставку на ненавистного ему монаха

(благодаря чему и дошёл до турнира), мирится с бывшим офицером космического дозора Диласом, говоря, что недооценил его талантов. Вот охотник за головами Сезаул пытается рассмешить Фина Лехца, осыпая того никому не понятными шутками. И мрачный Гис Шимута, потягивающий сидр, якобы слушая истории наёмников. И многие-многие другие, кто удосужился пройти отбор.

А в углу отдалённо от всех разместились трое: невысокий рыжеволосый мужчина, хрупкая на первый взгляд женщина, и высокий добродушный бородач. Судьи в привычной для них манере вели спор, попутно присматривая за «детishками»: мало ли, участники решат поубивать друг друга раньше времени.

Охмелевшие офицеры нобилити раз за разом пытались доказать друг другу обратное. Девушка твердила, что глава союза боевых искусств не может быть учителем рыжеволосого, потому как он его ничему не учил, а скандалист, в свою очередь, утверждал, что это и был его путь обучения, мол, должен был научиться всему сам, и главное, что мастер назвал его своим учеником. Бесконечно длинный спор. Бесконечно длинный вечер. И никто, ну или почти никто из опьяневших участников не заметил, что монах, хитро покручивая свою длинную косу, за весь вечер не пригубил ни одного напитка...

009

«Доброго времени суток. Знаю, не меня Вы ожидали увидеть, но один наш назойливый знакомый-таки уговорил меня занять место на его сеансе. Заставил прийти сюда, тем самым спасая, ха-ха, мне жизнь, возвращая, ха, меня в норму. Только вот он сам не знает, что творит, не знает, что меня не нужно спасать, и помогать мне есть наибольшая глупость, на которую он способен. Я видел где-то глубоко внутри его взгляда до боли знакомые мне хищнические нотки, видел желание узнать, кто сильнее и кто выйдет победителем. Его ли это наивность или безумие, но если придётся — я без колебаний его убью. Моя рука не дрогнет, не сохранит его жизнь. Просто я больше не умею оставлять в живых, разучился много лет назад...

Знаете: я не думал, что останусь здесь дольше первого моего слова. Но остался. Потому что вы не дрогнули, не сменили свой взгляд, когда услышали мой сиплый хрип, что заставляет людей пятиться. Сотни световых лет могут разделять нас, но я почти чувствую излучаемую вами доброту. Это непривычная мне сила, ужасающая при определённых условиях. Да, вас любят все, и каждый любит вас по-своему. Но настоящая ли это любовь, знаете только Вы...

...Я был счастлив на нашей небольшой колонии, нам не нужны были технологии, чтобы чувствовать себя комфортно. Не нужна была помощь и внимание других людей. Не нужна... Я был прирождённым хантером, и дикий мир звал меня, как не звал никого другого. Так я думал. Так думает каждый, кому суждено стать хантером. Я чувствовал лес, понимал животных, и, как мне кажется, они понимали меня...

В день инициализации я вышел на поляну страха и ждал своего зверя, ждал. Свою суть воплотил. Не знаю, сколько прошло времени, но он пришёл. Королевский ягуар. Он был прекрасен... и ужасен. Он медленно приближался ко мне, а я не мог изгнать из себя страх. Я был на грани провала, на грани того, что стану пищей столь прекрасного хищника. Но именно его величие меня и спасло: когда он подошёл ближе, совершенство зверя затмило его смертоносную суть. Я посмотрел в кошачьи глаза и растворился в собственном отражении. Мы сидели друг напротив друга и были как части единого целого. В тот день родилась моя звериная суть. Совершенная гармония, что обычный человек не способен ощутить, не способен понять и принять.

На рассвете зверь ушёл, так и не приблизившись ко мне ближе вытянутой руки. А я вернулся в город, получив звание хантера, получив жизнь, о которой я всегда мечтал. Я стал неотъемлемой частью животного мира: охотой на виды и больных особей поддерживал экосистему в равновесии, проводил экскурсии для туристов и устраивал им преследование разрешённой добычи. Мне больше ничего и не было нужно. Но я оказался нужен кому-то ещё...

Я был способен учуять засаду, даже не напрягаясь, но не смог, не был готов к технологиям внешнего мира. Больше я такой ошибки не допускал...

Двенадцать человек, мало-мальски похожих на воинов, были выдернуты из моего мира и переброшены в мир человеческой жестокости. Были похищены для становления рабами, игрушками в руках богачей. О, этот безумный мир... Мир абсолютной дисгармонии душил нас своей реальностью, но даже это не стало самым худшим из испытаний.

Я стал питомцем одного из самых жестоких людей мира. Но даже в этом мне повезло: со мной был продан старик Арик, уважаемый кросс-вариор, наставник сотен достойнейших воинов моей родины. И он готовил меня к первому бою. Учил использовать мои навыки хантера для убийства людей. Моя суть ломалась раз за разом, но он собирал меня воедино. И каждый раз, вспоминая те дни, я готов разрыдаться, но я не могу, не умею...

Первый бой на подпольной арене был самым сложным. Не потому что я ещё был недостаточно силён, не потому что боялся использовать свою суть для убийства себе подобного. Просто моим оппонентом оказался наставник Арик — последний хороший человек, которого я встречал на своём веку. Даже когда он показал мне свою жестокую суть вариора, кромсая меня тупыми клинками, я чувствовал его истинное чувство к несчастному юноше-оппоненту. Моя кровь заливала арену, а я не мог ранить стрика, хотя старался, очень старался. А он всё меня не добивал, ждал, верил в меня. И я это сделал... Я вспорол ему живот, на секунду поддавшись своей сути ягуара. А он не отклонил атаку, не стал уклоняться... хотя мог... просто позволил себя убить, чтобы молодой хантер мог жить дальше... Вечная благодарность лучшему вариору...

Хочешь, чтобы я продолжил? Ха-ха, ты же не можешь отказаться...

Следующие годы я помню смутно. Моя суть менялась с каждым убитым мною противником. Я уже не был хантером, но и до звания вариор мне было далеко. Гибрид двух культурных особенностей моего народа, чудовище, подлежащее немедленному уничтожению, зверь в клетке, выпускаемый на арену смерти. Вот кем я стал, насильственно заставляя свой дух ягуара убивать ради убийства. Я утратил гармонию навсегда и поначалу думал о смерти. Как и многие другие. И как многим другим: нам объяснили, что если мы не будем стараться, наши родные умрут вместе с нами. И были примеры подобного исхода, и только те, кто сходил с ума, погибали без борьбы. Но я не сдавался по другой причине: большую часть безумия поглощал мой зверь, благодаря чему я и не свихнулся, и все потребности охотника я перевёл на одну единственную цель.

Добыча в виде человека есть запрещенная тема для любого последователя ханта, но в тот миг я уже не был полноценным хантером, и зверь во мне начал преследование особи по имени Юри Грекхем, в абсолютно естественном желании разорвать ему глотку. Ему, и всему его прайду, безмерно поглощающему человеческие жизни. До боли изъезженная тема мести, не правда ли? Борьба с союзом работоторговцев, как занятие бессмысленное и заведомо обречённое на провал — сюжеты прошлого века. Зато звучит так благородно, и мало кто тебя осудит в твоём стремлении. А на самом деле: я просто расширил границы моей арены и увеличил количество

моих жертв.

Уж не знаю, чем нас там кормили, но мы начинали испытывать удовольствие от происходящего. Каждый убитый был глотком свежего воздуха. Каждая победа делала нас сильнее. Каждая похвала «хозяина» погружала нас в нирвану. Это было ужасно. Но тогда я этого не понимал. К тому времени как меня перестали травить, я уже стал полноценным гибридом, зависящим от убийств. Я даже не знаю: скольких я убил. Не знаю: кем они были. Заслужили ли они такой судьбы. Я даже не уверен, что не убивал своих соплеменников... Только какофония из запахов, шума и боли...

Всего несколько чётких образов в памяти. Несколько боёв. Самых сложных, опасных и кровавых. Вы не представляете, что это были за чудовища. Был там один вритт, гигант-убийца, ох, он был и живуч, скажу я Вам. Больше часа его резал, прежде чем он свалился от потери крови. Была там цикианка одна, самая жестокая женщина на моём веку. Она была запредельно быстра, опасней любого мужчины — из-за неё мне делали операцию по восстановлению кишечника. Но самым запоминающимся был один ребёнок... Ребёнок, от рождения наделённый жадой убийства. Выходец из расы йолов, по природной нужде готовый пожирать трупы своих врагов. Не знаю: смог бы я справиться с взрослым мутагентом, но ребёнок был самым воплощением ужаса. И зверь во мне призывал к бегству. Не помню даже, как я победил. В памяти сохранился момент перевоплощения испуганного мальчика в нечто омерзительное, нечеловеческое... Помню только, как поднял отрубленную голову на потеху зрителю. И помню, как меня за победу выпустили в город погулять на целых два дня...

Но не в этом суть, не в моих былых страданиях, не в убитых мною людях. Возможно даже не во мне. Звери не станут тратить время на душевную боль, они будут жить дальше. Но я не давал покоя моей сути. В этом особенность кросс-хантера оказалась весьма полезной, потому что когда с меня сняли ошейник, я был лишь жалким подобием человека, готовым выполнить любой приказ хозяина. Да, я был предан своему хозяину, которого должен был ненавидеть, и они это знали. Хозяева знали, что я не смогу причинить им вреда и выполню любой приказ... но не ягуар, что таился внутри меня. Зверь, с навязанным стремлением убить их всех, долгие годы тонущий в крови и, наконец, взявший верх над сломленным сознанием человека. В момент, когда с меня сняли ошейник, он был прекрасен — дикий кот в человеческом облике — он рвал на части любого, кто попадался ему на пути. Многие погибли в момент моего освобождения от руки хантера-вариора, но могло погибнуть и больше. Хотя не сбеги я в тот день, повинувшись звериному инстинкту, я бы тоже мог умереть...

Я пришёл в сознание уже человеком. В топке, спрятавшись среди горы трупов, готовых к утилизации. И только тогда я осознал весь масштаб проводимых мероприятий. Сотни тел переплетались друг с другом, изувеченных, кричащих о боли и страхе тел. И я среди них, единственный чьё сердце не остановилось, рвался обратно к жизни. Весь в крови, смердящий смертью, я карабкался к свободе, и меня то и дело скручивало от рвотных позывов... прямо как после убийства учителя Арика.

Я полз по трупам, и осознанность мысли возвращалась ко мне, будто каждый умерший даровал мне крупицу своей мудрости. Скольких из них убил именно я? Двадцать? Сто? Как часто сжигаются трупы? Каждый месяц? Неделю? Или день? Я и сейчас этого не знаю. Время тянулось бесконечно, меня кидало то в жар, то в холод, пока, наконец, я не достиг вентиляционной шахты и по ней вернулся в созданный мной хаос.

Меня спас именно хаос. Величайший скандал союза работоторговцев, где каждый из глав союза обвинял барона в измене. Члены синдиката сцепились друг с другом, подобно гиенам в период делёжки. И благодаря этому я бежал. Правда, барону таки удалось усмирить своих

компаньонов, и моё бегство превратилось в многолетнюю погоню. Обида моего зверя зародилась в непонимании: почему охотник убегает по всему миру Бездны от своей добычи, и обида эта навсегда лишила меня возможности руководствоваться своей сутью. Но я не отчаивался: тогда я ещё был уверен, что верну эту часть себя, я твердил себе, что всего лишь заманиваю противника...

Пожалел же я о том, что не умер, когда вернулся на свою родную планету. Потому что тогда стала ясна невозможность обретения гармонии гибридом. Я пришёл на поляну страха и ждал своего зверя. Долго ждал. Очень долго ждал. И он явился. Но не как в первый раз: он не шёл уверенной поступью, зная, что ему ничего не грозит. Королевский ягуар колебался на каждом шагу. А подойдя ближе, он зарычал, и рык его был полон ужаса. И ужас этот заставил его бежать прочь от чудовища, сидящего перед ним. И сколько бы раз я не выкрикивал своё звание хантера, лес мне не ответил, лес меня больше не звал...

Правда кросс-вариоры не отвернулись от меня, они были добры, или, точнее сказать, преисполнены жалостью к моему уродству. Они научили меня использовать современное оружие, способное из одного человека сделать целую армию. Волновые глушители, магнитные излучатели, клинки из сциглимина и хируана — я уже мог убивать, не боясь технического порождения смертоносного человеческого ума. Мне помогли создать фонд по борьбе с торговлей людьми, и это стало объявлением войны всему синдикату работорговцев.

Они приняли вызов, и фонд разорился в первый же год. За мою голову назначили награду. И сами представители совета Веста предупредили меня о том, чтобы я не брал на себя непосильную ношу. Вы можете себе это представить? Не отвечайте, я представлю это за вас.

Я остался один. Один против целого мира. И я пустил свои клыки в ход. Я вырезал всех, кто был связан с похищением, продажей и эксплуатацией людей. Тех, кто работал с детьми, я убивал с особой жестокостью. И, не смотря на отсутствие фонда, на один из оставшихся счетов то и дело поступали средства. Счёт пополнялся каждый раз после громогласной резни, в ходе которой самым ужасным образом умирали преступники, связанные с союзом работорговцев. Я тратил деньги на оружие и информацию, и на друзей, ведь только деньги могли предотвратить их предательство. Замкнутый круг мести завертелся подобно шестерёнке...

Многие знают меня под разными именами, но мало кто знает моё настоящее имя, мало кто знает, как я выгляжу, и мало кто представляет, насколько я опасен. Только самые любимые мои враги. И один из них так близко — только руку протяни. Я уже был готов протянуть к нему руку, но нет: один идиот ведёт меня на межсистемный сеанс терапии, чтобы я увидел перспективу и другой путь победы. Безумие, но Вы бы видели, как он объяснял мне разницу между турниром и ареной смерти, приводил примеры из прошлого, когда синтраж использовали для устранения наёмников, неспособных жить в мире, и убеждал меня в том, что сейчас всё по-другому.

И кто же из нас на самом деле глупец? Он обещал, что мне станет легче после сеанса, что я приму верное решение... Что ж, может мне и стало легче, хоть на этом спасибо...»